

Каплюков Владимир Владимирович
Кандидат исторических наук, доцент,
заместитель директора ЦДООСО
по научно-методической работе
г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛЛИТА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦДООСО)

Процессы становления, институционализации и функционирования цензурного ведомства на Урале, в том числе в Свердловской области, в советский период отечественной истории нашли отражение в глубоких и содержательных исследованиях и источниковедческих работах С.А. Дианова¹, Е.Н. Ефремовой², А.С. Смыкалина³, Г.И. Степановой⁴, других ученых и архивистов, внесших в последние десятилетия значительный вклад в разработку проблемы и создавших основательные предпосылки для ее дальнейшего изучения. В настоящей публикации предпринята попытка дополнить картину работы свердловского обллита в предвоенные и военные годы посредством введения в научный оборот некоторых не публиковавшихся ранее документальных материалов.

В фонде Свердловского обкома КПСС отложились материалы его особого сектора за 1937 – 1946 гг., позволяющие, в частности, получить достаточное представление об основных направлениях и содержании работы свердловского областного аппарата Управления Уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Обллита) в предвоенные и военные годы.

Как представляется, функции и полномочия Главлита, а соответственно, и его структур на местах, в рассматриваемый период были весьма обширными и заметно более объемными, чем предполагалось изначально. Наряду с обеспечением сохранности военной и государственной тайны органы цензуры взвалили на свои плечи охранительные функции в области надзора за идейно-политическим «целомудрием» масс.

Во-первых, цензорский аппарат на регулярной основе осуществлял предварительную цензуру и последующий контроль печатных изданий с выдачей подлежащих безусловному исполнению предписаний по корректровке газетно-журнальных текстов и иллюстраций к ним, изъятию «криминальных» тиражей и т.п.; вносил предложения в директивные органы по применению к нарушителям мер административного и партийного воздействия. При этом аппарат руководствовался утверждаемыми в центре и на местах перечнями сведений, не подлежащих неконтролируемому распространению и не предназначенных для неопределенного круга лиц (литер «А»; литер «Б»; Экономический перечень; Военный перечень; и др.).

Регламентация полномочий и сфер ответственности цензорского состава постоянно корректировалась Центром. Так, 26 июля 1937 г. на места был

направлен циркуляр начальника Главлита С.Б. Ингулова № 1401, которым на цензурные органы возлагалась задача недопущения опубликования в печати и радиовещании, иллюстративных материалах фамилий лиц, разоблаченных и арестованных органами НКВД, «за исключением официальных сообщений прокуратуры, НКВД и других уполномоченных на это органов, а также постановлений суда»⁵. Отдельное пристальное внимание уделялось предварительной цензуре текстов на предмет выявления идеологически и политически вредных смысловых и стилистических погрешностей, опечаток и т.п.

Работа цензоров, имевшая в целом плановый характер, заметно активизировалась в периоды массовых общественно-политических кампаний. Так, распоряжением Главлита от 10 октября 1937 г. № 572 территориальным подразделениям цензуры было предписано ежедневно (!) представлять специальные списки вычерков, а также исправлений и нарушений, выявляемых в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Верховного Совета СССР⁶.

Во-вторых, на цензурный аппарат была возложена функция изъятия из библиотек по соответствующим спискам печатных изданий, признанных центральными либо региональными уполномоченными инстанциями политически вредными либо ошибочными. В докладной записке заместителя начальника Свердловского обллита Цветковой начальнику Главлита от 15 сентября 1937 г. № 303с (копии – секретарю обкома ВКП(б) А.Я. Столяру, начальнику Управления НКВД Дмитриеву) отмечалось, что по состоянию на 30 августа в Свердловске и 68 районах области по результатам проверки 2262 библиотек, книготорговых точек и книгохранилищ с книжным фондом 8,721 миллиона экземпляров было изъято – по спискам Главлита №№ 1, 9 – 16 и списку обллита – 229,1 тысячи экземпляров (2,6 % от общего числа изданий) троцкистско-зиновьевской и бухаринской литературы⁷. По состоянию на 1 декабря количество проверенных книгохранилищ возросло до 2563, а доля изъятой литературы – до 3,3 % (333,3 тысячи из 9,951 миллиона экземпляров)⁸.

В-третьих, цензурным аппаратом выносились предписания по устранению выявляемых недостатков в области наглядной агитации и в любых других сферах, подлежавших – в меру собственного разумения цензоров – проверке на политико-идеологическую выдержанность. При этом формировался своеобразный корпоративный интеллектуальный «почерк» (или «корпоративный слух»), обладатели которого находили «крамолу» даже там, где ее не было.

Цензорский аппарат во второй половине 30-х гг. сформировался в весьма разветвленную, сложно организованную структуру, функционировавшую в соответствии с общими правилами становления и эволюции бюрократического аппарата, – постоянной борьбой за увеличение ведомственного бюджета; строгой организацией планово-отчетной работы; подчеркнутым вниманием к вопросам подбора, расстановки, обучения и воспитания кадров, жесткой регламентацией их деятельности; системой поощрений и наказаний;

и т.п. В каждом из районов области имелись соответствующие уполномоченные (в крупных городах – подразделения), представлявшие по подчиненности регулярные отчеты об осуществленных вычерках, на основании которых руководством Обллита готовились обобщенные сводки, направляемые в партийные, правоохранительные и вышестоящие ведомственные структуры⁹.

Сводки составлялись по определенной форме, предусматривавшей выделение важнейших вычерков предварительной цензуры (по литеру «Б»; политико-идеологического характера); нарушений, обнаруженных последующим контролем (по литеру «Б»; и др.). Отдельными графами в сводках выделялись наименования печатных изданий (с указанием издателей, мест издания и тиражей), фамилии цензоров, содержание выявляемых ошибок, основания вычерков, принятые по нарушениям меры. Работа обллита регулировалась ежеквартальными планами, а по ее результатам составлялись развернутые отчеты, содержавшие, по общему правилу, разделы «Общая характеристика вычерков, изъятий и нарушений» (с подробной помесечной статистикой), «Кадры», «Обследование, инструктаж и подготовка работников цензуры», «О ходе изъятия контрреволюционной литературы», «О сигнализации в обком ВКП(б) и постановке вопросов перед обкомом ВКП(б) и облисполкомом», «Общие выводы и предложения».

Работники средств массовой информации и сами цензоры были вынуждены работать в условиях тотального административного давления и контроля со стороны вышестоящих этажей партийно-государственной и ведомственной иерархии. 21 октября 1937 г. заведующий отделом печати и издательств Свердловского обкома ВКП(б) Ермолин требовал в письмах секретарям Пермского и Нижне-Тагильского горкомов партии Ключеву и Канавцеву немедленной чистки от ставленников «врагов народа» (с заменой их заслуживающими политического доверия лицами) редакций городских газет «Звезда» и «Тагильский рабочий»¹⁰; 2 ноября начальник Главной инспекции Главлита полковой комиссар Груздуп в письме секретарю обкома А.Я. Столяру настаивал на снятии с работы «на основании имеющегося... материала» начальника Обллита Тубанова¹¹. Случаи недосмотра за подконтрольными изданиями немедленно становились предметом разбора в партийных организациях и были чреваты увольнением цензоров с занимаемых должностей.

При этом уровень социальной защищенности и доходы исполнителей, убежденных в массе своей в важности и нужности для Советского государства порученной им работы, оставляли желать много лучшего. В обращении от 23 июля 1938 г. начальника Обллита А. Горских к исполнявшему обязанности секретаря Свердловского обкома партии К.Н. Валухину указывалось, что за годы работы областного цензурного ведомства его работниками не было получено ни одной квартиры, а многие уполномоченные на местах не имели жилья вообще¹². Чуть ранее областные партийные инстанции информировались о сложностях с подбором цензорских кадров, связанных с весьма невысоким – по меркам бюрократического аппарата – уровнем их денежного содержания.

Наиболее распространенными в конце 30-х гг. нарушениями являлись расшифровка в публикациях периодической печати мест дислокации воинских частей и оборонных заводов, установочных данных их руководителей; разглашение сведений о производственных показателях предприятий, численности их работников и текучести кадров, о качестве и количественных оценках объемов разведанных полезных ископаемых, об урожайности в регионе сельскохозяйственных культур и порче собранных урожаев; о состоянии заболеваемости болезнями человека и животных; и т.п. Обычными стали предписания редакторам периодических изданий об изъятии из публикуемых текстов любых упоминаний о репрессированных «врагах народа» и их «пособниках», тем более цитат из их публичных и печатных выступлений.

Некоторые характерные черты предвоенной деятельности среднеуральской цензуры ярко иллюстрируются представленными в документах вычерками «политико-идеологических ошибок и извращений». Так, в сводке от 17 октября 1937 г. начальником Обллита Тубановым были раскритикованы опубликованные в приложении к газете «Уральский рабочий» постановления Свердловского горсовета о переименовании улиц Сталина и Молотова во Втузгородке в улицы Ломоносова и Менделеева. При том, что горсоветом были приведены вполне внятные аргументы (одноименные улицы уже существовали на Уралмаше), руководство обллита поспешило отмежеваться от «политически неверного» решения и вынести цензору «Уральского рабочего» предупреждение за пропуск в печать опасной для местного чиновничества информации¹³. В преддверии празднования годовщины Октябрьской революции со многих зданий областного центра были сняты по настоянию цензурных органов некачественно исполненные либо искаженные портреты партийно-советских руководителей; вывешенный в Нижнем Тагиле напротив ликом вождей плакат «Красноармеец с винтовкой» был по указанию горлита – от греха подальше – «немедленно переставлен в другое место»¹⁴.

В ходе подготовки выборов в Верховный Совет СССР в обращении к избирателям, опубликованном в печатном органе Чермозского райкома ВКП(б), последующим контролем была выявлена весьма двусмысленная фраза о том, что «подневольный рабочий труд из-за куска хлеба в странах капитала – в советской стране стал трудом творческим, стал делом чести, доблести и геройства»¹⁵. Вполне оправданным, по нашему мнению, было указание инстанций уполномоченному по поводу санкционирования им выпуска номера газеты «Стахановец стройки» со статьей «Труд стал делом чести», в которой приводились недопустимо бесхитростные в то суровое время слова стахановца о том, что, мол, «...имею гармонь, гитару, мандолину, а когда надоедает играть, изучаем вместе с женой Сталинскую конституцию»¹⁶.

Позже – в 1938 – 1939 гг. – сформировавшийся ранее настрой на борьбу с идеологическими вольностями сохранялся в работе уральской цензуры в полной мере. Неплохие, на наш взгляд, иллюстрации такого настроения нашли отражение в целом ряде имеющихся в нашем распоряжении документов.

Так, в докладной записке начальника Свердловского горлита Тюкалевой в отдел пропаганды и агитации горкома ВКП(б) по результатам просмотра художественного оформления областного центра к 1 мая 1938 г. содержался целый ряд перлов, свидетельствующих о весьма творческом, не лишённом воображения, подходе уполномоченных к оценке наглядной агитации. К примеру, было предписано доработать панно «Три летчика» и «Ворошилов на коне», размещенные на Площади 1905 года в Свердловске, поскольку, по оценкам цензоров, «выдающаяся челюсть безобразила лицо (летчика. – В.К.), придавая ему вид японца как рисуют в карикатурах», а лицо на втором (чье? – В.К.) также требовало исправления». Дому Союзов было предложено исправить панно с изображением бойцов Народной армии Китая: «У первой фигуры выражение лица было плаксивое, – рапортовала цензор, – исправили на энергичное». Особенно впечатляет констатация несовершенства панно «Жить стало лучше, жить стало веселее» на здании госбанка. «Лицо женщины нарисовано очень тощее и производит впечатление, что она несколько дней не ела»¹⁷, – сетовала цензурная начальница.

В письме от 3 декабря 1938 г. № 358с начальника Свердловского обллита А. Горских секретарю Свердловского обкома ВКП(б) К.Н. Валухину были приведены «факты недоброкачественного выхода в свет газет по области». В числе прочих обращают на себя внимание замечания по поводу тиражей ряда газет, опубликованных к 20-летию ВЛКСМ. Так, в юбилейном выпуске областной молодежной газеты «На смену» сомнение цензора вызвал монтаж с комсомольцами, несущими знамя Ленина – Сталина, на котором «знамя от древца отделилось и комсомольцы несут одно древцо, знамя же в воздухе, причем фон знамени имеет цирковой вид»; в газете «За индустриальные кадры» – аналогичный монтаж, имевший целью «показать нашу счастливую, жизнерадостную, здоровую советскую молодежь», на котором, напротив, «получились... лица измученных людей, а вид красноармейца с комсомольским билетом есть копия с маски мертвеца и завершается этот монтаж крестом вместо звезды»¹⁸. Понятной с позиций противодействия контрреволюции в печати стала конфискация всего тиража посвященного памяти С.М. Кирова выпуска газеты «За электромашину», в которой под портретом погибшего вождя было «написано крупно и ярко «Корень зла»»¹⁹.

Как представляется, введливость уполномоченных и постоянные попытки их зачастую весьма бесцеремонного вмешательства в деятельность редакторов, являвшихся, по общему правилу, назначенцами соответствующих партийных комитетов, провоцировали постоянные конфликты между ними. «До последнего времени редакторы газет... не только дают отпор, но и подкрепляют его оскорблениями по адресу уполномоченных обллита, о чем я Вас уже ставила в известность... – жестко констатировала областная цензурская начальница А. Горских в уже цитированном письме К.Н. Валухину от 3 декабря 1938 г. – Такое положение требует искоренения. Я даю специальное указание на этот счет уполномоченным обллита и обязываю их в случаях, когда будут выявлены искажения, двухсмысленность, приостанавливать вы-

пуск газет. Вас же прошу дать соответствующее разъяснение и указание редакторам»²⁰. В чуть более раннем – от 25 ноября – обращении той же А. Горских в обком партии имевшие место конфликты уполномоченных обллита и редакторов областных газет были прокомментированы весьма подробно²¹.

Завидной изобретательностью отмечен цензорский поиск контрреволюции и в 1939 году. В ходе проверки цензором Тюкалевой в порядке последующего контроля газеты «Северная звезда» (Ивдельский район) в номерах за 22 и 23 января были выявлены идеологически недопустимые наложения изображений: «на стр. 1 дано клише Ленина, а на обороте – клише стахановки-птичницы с петухом в руках, на свет получается петух клюет голову Ленина»; «на первой странице дается клише Сталина, а на обороте – клише допризывники целятся из винтовок. При просвечивании получается впечатление, что они целятся на т. Сталина»²². В процессе предварительного контроля этой же газеты была снята статья «Как я организую время», автор которой по результатам самостоятельного изучения учебника истории партии признавалась, «что от ознакомления в голове у меня ничего не осталось»²³; была также снята статья «Выполним решения III Пленума Свердловского обкома ВКП(б)» в газете «За большую Дегтярку», в которой отмечалось «чрезвычайно поучительное» выступление члена парткома Ершовой, заявившей, что она «изучила 5 глав истории ВКП(б), но что там основное, ... так и не поняла»²⁴.

Предвоенный 1940 год отмечен, по нашей оценке, заметным снижением доли выявляемых цензорами ошибок политико-идеологического свойства на фоне существенного относительного роста количества вычерков, касавшихся объема и номенклатуры выпускаемой оборонными заводами продукции; технологических процессов, производительности труда и выполнения плановых заданий; состояния и качественных параметров добычи полезных ископаемых, численности работников, состояния транспорта, обеспечения безаварийной работы предприятий, данных о заболеваемости работников. Отдельное пристальное внимание уделялось в этот период изъятию из печатных изданий любой информации о дислокации, количественном и качественном составе, вооружении воинских частей, установочных данных военнослужащих, сведений о любых оборонных объектах, упоминаний о финской военной кампании 1940 года.

В работе областного цензорского аппарата имелось немало недостатков. По оценке инспектора отдела местных органов Главлита Гелдина (акт проверки от 3 октября 1940 г.), кадровый аппарат обллита характеризовался высокой текучестью сотрудников, не позволявшей организовать их плановое обучение. В ряде районов отмечались случаи бесконтрольного выхода периодических печатных изданий, обусловленного, наряду с другими причинами, ненормальными отношениями между редакторами местных газет и цензорами.

Тем не менее, за первые 8 месяцев 1940 года по области на основании военного и экономического перечней Главлита было осуществлено 758 вы-

черков, 80 из которых позволили, по оценке обллита, предотвратить разглашение данных о дислокации воинских частей, а 81 – о предприятиях оборонной промышленности. Было зафиксировано 382 случая изъятия из публикаций данных о добыче полезных ископаемых, минерального топлива. За этот же период, по неполным данным областного цензурного ведомства, было допущено, увы, 34 случая разглашения в областной печати военной тайны²⁵.

С началом Великой Отечественной войны предвоенная линия обллита была продолжена. В цензурных сводках 1941 – 42 гг. продолжали преобладать вычерки упоминаний о размещении оборонных и прибывавших в эвакуацию промышленных предприятий, объемах и характере выпускаемой ими продукции (в том числе новых изделий), технологии производства, социально-экономическом неблагополучии региона и его населения, проблемах с организацией размещения, вещевого и продовольственного снабжения эвакуированных работников и членов их семей. Жестко преследовались случаи упоминания в печати и радиопередачах установочных данных руководителей, конструкторов и инженеров оборонных производств, командиров частей Красной Армии; разглашения мест дислокации тыловых воинских частей и стратегических объектов; любых сведений о кадровом составе и перемещениях подразделений действующей армии.

С лета 1943 года обллитом была введена – по-видимому, с подачи Центра – практика ежемесячной подготовки в типографском исполнении и рассылки на места информационных писем-обзоров о допущенных нарушениях²⁶. Так, в обзоре от 30 июня № 131с о политико-идеологических ошибках в газетах, подписанном начальником Свердловгорлита Л. Шibaевым, работники цензуры ориентировались – со ссылкой на опасность получения иностранными разведками сведений из официальных источников – на взвешенное освещение в периодике морального, материального и культурного состояния населения региона и недопустимость чрезмерного сгущения красок, искажавшего, по мнению цензорского начальника, советскую действительность. В качестве негативных примеров приводились публикации газеты «Егоршинский рабочий» и многотиражки «Коминтерновец» (Нижний Тагил), в которых говорилось о завшивленности рабочих, проживавших в землянках. «По всем этим вопросам выступать нужно, но требуется ли указывать, что у рабочих завелись насекомые и живут они в землянках (можно было землянки назвать временными бараками или общежитиями)»²⁷, – резонерски замечал областной цензурный руководитель.

Весьма своеобразно интерпретировались обллитом «тенденциозные высказывания» ряда районных газет о нарушениях трудовой дисциплины. «Помещать в печать об отдельных дезорганизаторах производства нужно и необходимо, но есть ли смысл обобщать сведения о массовых прогулах? – вопрошал Л. Шibaев. – Такой материал не может являться мобилизующим, он противоречит указаниям товарища Сталина, который в историческом докладе [к] XXV годовщине Октябрьской социалистической революции говорил: «Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисцип-

линированными, научились работать..., стали осознавать свой долг перед родиной и перед ее защитниками на фронте – перед Красной Армией!»²⁸.

«Задача каждого редактора и цензора состоит в том, чтобы в дальнейшем не допустить ни одной политико-идеологической ошибки в печати и радиовещании, повысить свою революционную бдительность, вскрыть все щели и пути для шпионов и диверсантов, стремящихся получить и использовать через печать те или другие сведения для подрыва мощи обороноспособности страны Советов»²⁹, – говорилось в завершение циркуляра.

Основные положения обзора нашли отражение в письме отдела пропаганды и агитации Свердловского обкома ВКП(б) от 24 сентября 1943 г. № 03/475 в горрайкомы партии. Обращая внимание коммунистов на необходимость повышения «революционной бдительности», областные чиновники с тревогой констатировали допущение в ряде районов случаев опубликования в печати сведений, составлявших военную и государственную тайну. По оценкам обкома, только за 3 месяца 1943 года в городских, районных и многотиражных газетах в силу недооценки некоторыми парторганами роли цензуры и облегченного подхода к подбору соответствующих кадров было зафиксировано более 70 эпизодов разглашения охраняемых сведений. В Туринском, Слободо-Туринском, Верхне-Салдинском и Кушвинском районах газеты выходили без цензорского контроля, а в Ачитском, Красноуфимском и других районах контроль над печатью был передоверен случайным лицам; имели место случаи назначения и освобождения от работы районных цензоров без ведома обллита. Местным партийным органам было предписано устранить недостатки в цензорской работе и принять меры по организационному и кадровому укреплению подразделений цензуры³⁰.

Объемное представление о многообразной и содержательной жизни свердловского цензурного ведомства в военные годы можно получить посредством ознакомления с приказом областного управления по делам литературы и издательств от 10 января 1944 г. № 2 «Об итогах работы цензуры за 1943 г.»³¹. Констатируя в принятой тогда стилистике достижения цензоров во Всесоюзном социалистическом соревновании (!) и высоко оценивая их работу, областной цензурный руководитель привел впечатляющую статистику, согласно которой в ходе предварительного контроля 112 газет и журналов было проверено 9048 экземпляров (6345 авторских листов) изданий, разрешено в печать 483 книги и брошюры (1833 авторских листа); 97197 названий (8100 авторских листов) мелкопечатной продукции. Подобные же сведения были приведены относительно объемов последующего контроля печатных и радиоматериалов.

Согласно отчету, за год было составлено 85 обзоров о политико-идеологических искажениях в печати, грамотности и техническом оформлении изданий; направлено на места 256 инструктивных писем по перечневым вопросам, замечаниям по сводкам вычерков, проверке библиотек и т.п. По данным областного ведомственного начальства, за год было предотвращено 1435 случаев разглашения государственной и военной тайны, политико-

идеологических извращений в печати; запрещено опубликование 5 книг и брошюр, 38 отдельных статей, изъяты тиражи 12 газетных выпусков и 35 наименований мелкопечатной продукции; по результатам проверки 957 библиотек было изъято 6781 экземпляров «политически вредных книг».

В отчете был представлен весьма занятный перечень мероприятий, проведенных в целях повышения квалификации областного цензорского корпуса, включавший рассылку на места учебных газет (!) обллита и задач Главлита; проведение 27 учебных занятий и 41 совещания по вопросам допущенных нарушений, личных инструктажей 47 цензоров; созыв 1 межрайонного и 9 кустовых совещаний с цензорами по вопросам охраны военной и государственной тайны.

Завершался приказ трескучим призывом еще шире развернуть в 1944 году социалистическое соревнование за завоевание переходящего Красного Знамени Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати.

В 1944 и первой половине 1945 упорядочение работы Свердловского облита было года продолжено. С завидной регулярностью на места направлялись обзоры, информационные письма, циркуляры, другие нормативные и методические документы, ориентированные на отлаживание бюрократически целесообразного функционирования цензурного ведомства. При этом сама структура информационных материалов облита формализовалась, приобретала законченную структуру. К примеру, в информационном письме от 25 марта 1945 г. № 65с, в значительной мере посвященном практике работы ведомства в 1944 году, в разделе «Случаи разглашения государственных и военных тайн в печати» были выделены самостоятельные сюжеты «О выполнении планов промышленными предприятиями», «О дислокации военных заводов», «О себестоимости промышленной продукции и мехсырья», «О порядке опубликования писем с фронтов Отечественной войны», «О материальном положении населения и обеспеченности семей фронтовиков» и др.; в разделе «Политические ошибки и опечатки» – «Политические ошибки», «Ошибки, допущенные в официальных материалах», «Опечатки, вредные переносы и другие вопросы»³².

Совершенствовалась и ведомственная статистика. В приказе облита об итогах работы в I квартале 1945 года подчеркивалось, что предварительным контролем было охвачено 118 издававшихся в области газет и бюллетеней, материалы областного радиовещания и 79 местных станций с продолжительностью вещания от 30 до 50 часов в сутки. В печать и в набор было передано 103 книги общим объемом 573 авторских листа, разрешено к печати 42250 наименований мелкопечатной продукции, разрешен к публичному чтению ряд лекций лекторского бюро ОблОНО. По оценкам обллита, цензорами было предотвращено 202 случая разглашения государственной и военной тайны, о 137 важнейших из которых был информирован Главлит.

Столь же впечатляюще выглядели результаты последующего контроля, которым были охвачены все издаваемые в области газеты (1771 экземпляр – 791 авторский лист), 21 книга (108 авторских листов), 2200 наименований

мелкопечатной продукции и материалы местного радиовещания. Лишь за квартал на места было направлено 133 информационно-методических письма.

В приказе отмечалось также, что всем цензорам области были даны указания по проверке выполнения требований по охране государственной тайны подведомственными типографиями, соблюдению требований к опубликованию в печати объявлений о разводах, о контроле над репертуаром и др. По итогам проверок 147 библиотек и 26 букинистических магазинов с книжным фондом 1,058 миллиона экземпляров было изъято 4572 книги «вредного содержания»³³.

Итоги работы свердловской цензуры в последнем военном и начале первого послевоенного года были подведены в приказе от 8 марта 1946 г. № 26. Начальником обллита Д. Шibaевым отмечалось, что за 1945 год было предотвращено 986, а за январь – февраль 1946 г. – 75 случаев разглашения государственной и военной тайны и политико-идеологических ошибок. При этом обращалось внимание на проявления самоуспокоенности, беспечности и некоторого ослабления в послевоенных условиях «революционной бдительности» цензорского состава, чреватые нанесением «непоправимого ущерба интересам нашей Родины». В качестве недостатков работы части сотрудников цензурного ведомства были выделены недостаточное внимание к вопросам повышения собственной профессиональной квалификации, снижение интенсивности проверок библиотек на предмет выявления «контрреволюционной литературы», допущение «серьезных ошибок в условиях мирного времени».

Основными задачами совершенствования цензорской работы на ближайшую перспективу были определены повышение профессиональной квалификации и идейно-политического уровня сотрудников; ужесточение предварительного и последующего контроля печатных материалов, материалов радиовещания и репертуара зрелищных учреждений; дальнейшее совершенствование ведомственной отчетности³⁴.

Изучение архивных материалов о деятельности свердловского обллита позволяет предположить, что свердловское подразделение Главлита вполне справилось в предвоенные и военные годы со своим предназначением по обеспечению сохранности государственной и военной тайны, идеологической непорочности печатных изданий и материалов радиовещания, обеспечив тотальный контроль за средствами массовой информации регионе. Как представляется, цели цензурного ведомства были достигнуты ценой избыточного контроля, неоправданных издержек, отвлечения сил и средств от выполнения действительно значимых в условиях войны народнохозяйственных задач.

¹ Дианов С.А. «Крепкая узда пролетарской диктатуры»: органы Главлита на Урале в 1922 – 1941 гг. Пермь. ПОНИЦАА. 2010; Он же. Органы Главлита на Урале в межвоенный период (1920 – 1941 гг.). Пермь. ПОНИЦАА. 2011; Он же. Развитие местных органов Главлита на Урале в 1922 – 1938 гг. Дис. д-ра ист. наук. Пермь. 2011; и др.

² См.: Ефремова Е.Н. Партийная цензура историко-краеведческих изданий 1920 – 1930-х гг. на Урале. // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 4 (82). С. 183 – 197; и др.

³ Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая цензура в России и СССР. СПб. Юридический центр «Пресс». 2008

⁴ См.: Степанова Г.И. Деятельность органов цензуры в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области (1918 – 1991 гг.) // Цензура в России: матер. междунар. науч. конф. Екатеринбург. 1996. С. 30 – 34; Она же. История органов цензуры в партийных документах // Архивы Урала. 1996. № 2 (4). С. 171 – 182; Она же. Политический контроль за печатным словом // Толерантность и власть: судьбы Российской интеллигенции. Пермь: ПРИЛИТ. 2002. С. 140 – 143

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 8. Л. 141

⁶ Там же. Л. 29

⁷ Там же. Л. 6

⁸ Там же. Л. 21 об.

⁹ Цензурные сводки готовились, как правило, в 4 экземплярах (в Главлит, в обком ВКП(б), в Управление НКВД (МГБ), для учета в делопроизводстве обллита

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 8. ЛЛ. 46, 47

¹¹ Там же. Л. 15

¹² Там же. Д. 42. Л. 20

¹³ Там же. Д. 8. Л. 109

¹⁴ Там же. Л. 59

¹⁵ Там же. Л. 55

¹⁶ Там же. Д. 42. Л. 76

¹⁷ Там же. ЛЛ. 26 – 29 об.

¹⁸ Там же. Д. 39. Л. 6

¹⁹ Там же. Л. 7

²⁰ Там же

²¹ Там же. ЛЛ. 8 – 10

²² Там же. Д. 78. Л. 44

²³ Там же. Л. 32

²⁴ Там же

²⁵ Там же. Д. 92. ЛЛ. 193 – 195

²⁶ Там же. Д. 404. ЛЛ. 135, 154, 167 и др.

²⁷ Там же. ЛЛ. 116 – 117

²⁸ Там же. ЛЛ. 117 – 118

²⁹ Там же. ЛЛ. 116 – 117

³⁰ Там же. Д. 475. Л. 29

³¹ Там же. Д. 612. ЛЛ. 8 – 9 об.

³² Там же. Д. 727. ЛЛ. 37 – 41 об.

³³ Там же. Л. 35

³⁴ Там же. Д. 826. ЛЛ. 38 – 39